

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

Новообнаруженный древнерусский подписной меч

Оказавшись в 1994 г. в Национальном музее истории Украины в Киеве, я обратил внимание на обломок меча, который был временно выставлен в витрине на месте увезенного на выставку в Данию. Мечи упомянутого музея были изучены мною в 1963—1964 гг., но тогда этого предмета не видел. Он находился в помещении фондов среди депаспортизированных вещей. Меч заметил археолог В. Н. Зоценко, разглядев, что на клинке уцелела старая этикетка с № 6430 Музея древностей и искусств Императорского университета Св. Владимира (современный шифр хранения В-329). Благодаря любезности сотрудников музея В. Павловой и М. Панченко удалось не только расчистить и сфотографировать клинок меча, но и получить сведения о его находке. Судя по записи в рукописном каталоге, предмет был найден в Киевском уезде Киевской губернии и 31 декабря 1894 г. передан Императорской археологической комиссией в Музей университета.¹ Можно предположить, что меч был обнаружен в дружинном погребении Киева или его округи в 1890-х гг. Именно в этот период в печати неоднократно отмечались находки древних клинков, поступавшие затем в различные собрания Киева.² К сожалению, не все из них описывались и публиковались.

Принадлежность меча захоронению устанавливается по ряду деталей. Навершие рукояти и нижняя половина клинка, по-видимому, были отломаны и не сохранились, а перекрестье сбито со своего первоначального места. На его нижней стороне сохранились отчетливые, сделанные в древности вмятины от ударов. Прием преднамеренной порчи оружия, в том числе и мечей, типичен для языческих захоронений дохристианской поры. В Киеве и его округе этот обычай вряд ли удержался позже третьей четверти X в.³ Соответственно этому наиболее вероятной датой погребения с мечом будет середина или третья четверть X в. Не противоречат такой дате типологические и морфологические признаки самой вещи.

Длина обломка меча 28 см, ширина клинка у перекрестья 5,3 см, длина перекрестья 9,3 см (рис. 1). На поверхности перекрестья различимы бороздки, частью заполненные нитями красномедной и серебряной проволоки. Серебро и медь замечены у краев крестовины, а в ее центральной части удалось разглядеть остатки перевитых полосок серебра и меди. Инкрустация

¹ Книга для записи вещей Музея древностей и искусств Императорского университета Св. Владимира Т. 2 № 6430 Хранится в Национальном музее истории Украины В 1932 г меч был передан Всеукраинскому историческому музею

² Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств Киев 1897 С. 30 и 77 № 159 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие Вып. 1 Мечи и сабли IX—XIII вв. М. Л. 1966 С. 91

³ Исключения до крайности редки Ср. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие С. 65

Рис. 1. Меч. Киевский уезд и Киевская губерния. Фотографии Национального музея истории Украины.
а. Сторона клинка с именной надписью. б. Сторона клинка с геометрическим знаком.

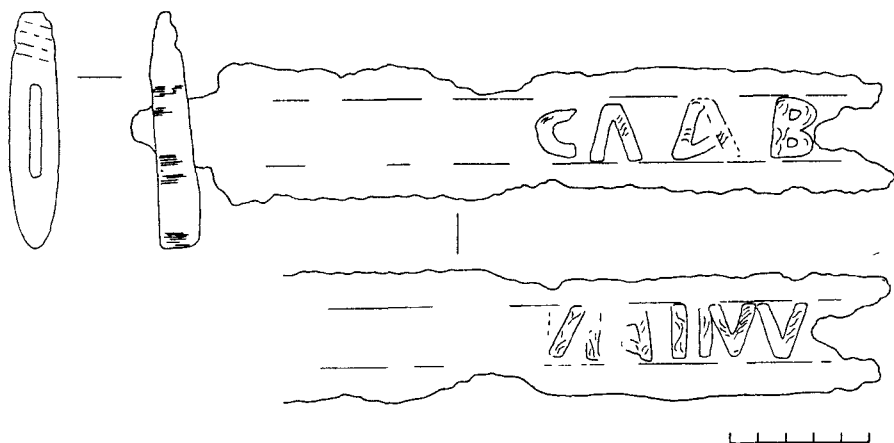

Рис. 2. Меч и его клейма. Киевский уезд и Киевская губерния. Рисунок А. Н. Кирпичникова.

выполнялась таким образом, что на поверхности шириной 1 мм вмещались две бороздки для укладки цветного металла. Можно подсчитать, что мастер для отделки перекрестья затратил в общей сложности не менее 5 м медной и серебряной проволоки. Подобная отделка типична для мечей X в. западноевропейского рейнского производства, к примеру, относящихся к типу V (по Я. Петерсену). Не исключено, что навершие нашего меча было трехчастным и относилось к упомянутому типу.

Описанная техника украшения имеет особенности. Судя по отделке рукояти, рассматриваемый меч хотя и напоминает образцы, изготовленные в Каролингском государстве, но не обязательно там был произведен. Для франкских мечей характерна более частая и плотная инкрустация рукояти: на поверхности шириной 1 мм продельвались 3 бороздки. Кузнецы в разных странах Европы, подражая этой технике, несколько упростили ее: вместо трех, они располагали две бороздки, что, как отмечалось, обнаружилось у киевского меча. Такая «вольность», как увидим далее, оказалась не случайной.

При всех особенностях внешний облик рассматриваемого клинка вполне сходен с общеевропейскими образцами. Между тем клеймо, выявленное на его лезвии, оказалось совершенно неожиданным и позволило по-особому охарактеризовать саму находку (рис. 2).

В процессе очистки клинка от коррозии, большая часть которой была уже когда-то ранее удалена, на поверхности дола с одной стороны выступили уставные кириллические буквы высотой до 2,5 см, т. е. равновеликие ширине дола, а на другой — столь же крупные геометрические знаки. Все эти начертания были в горячем виде наведены отрезками дамаскированной проволоки, которая на поверхности металла после шлифовки и протравки образует характерный, весьма нарядный муаровый узор. На одной стороне клинка, которую можно считать главной, на поверхности дола у перекрестья проступили буквы СЛАВ. Продолжение этой, безусловно именной, надписи утрачено.⁴

⁴ При лабораторной реставрации меча, которая планируется в Национальном музее истории Украины, могут более четко выявиться детали некоторых букв и знаков, но вряд ли это существенно изменит то, что уже удалось зафиксировать. Возможность существования начальных букв перед С полностью исключать нельзя. Мне, однако, это кажется маловероятным. Как бы глубоко в этом месте ни была коррозирована поверхность металла, хотя бы небольшие остатки букв или канавок для их укладки должны были бы сохраниться, но их нет.

Формы букв, расположенных нетесным уравновешенным образом, не противоречат стилю правописания древнейшей поры. Так, обе половины Л и В пропорциональны, верх В не сокращен и петли сферичны — все это признаки первоначальной кириллицы.⁵ При допущении, что букв перед С не было, надпись в полном виде можно представить в форме Славута, Славиша (вариант — Словиша⁶), Славомир и т. д. Подобные имена соотносимы с языческим именословом.⁷ При всех вариантах имя с корневой основой СЛАВ несомненно славяно-русское и связано не с владельцем оружия, а его изготовителем. Этот последний знал славянскую грамоту и, скорее всего, работал в каком-то из русских городов, вероятнее всего, в Киеве.

На обороте клинка оказались шесть геометрических знаков. Композиция явно оборвана из-за утраты нижней части клинка. В поврежденном виде предстали начальные знаки. У первого слева знака в виде буквы И уцелела бороздка от вертикального столбика (второй сохранился), таким образом он полностью восстанавливается. Загадочен второй знак, частично rozpoзнается его нижняя часть с остроугольным изгибом. Далее следуют удвоенные фигуры в виде вертикальных столбиков и римской цифры V. Выявленные начертания хотя и включают буквообразные знаки, но не читаются, возможно, что их смысл декоративно-маркировочный. У большинства именных раннесредневековых мечей на обороте клинка инкрустировались композиции из вертикальных и косых отрезков. В этом ряду фигуры рассматриваемого меча представляют оригинальный вариант клейма.

Особая маркировка меча и его «подражательная» геометрическая отделка рукояти, думаю, свидетельствует об одновременном изготовлении и лезвия и гарды в стенах одной мастерской.

Ближайший по клейму аналогией меча из Киевской округи является клинок с русской именной надписью ЛЮДОТА (вариант ЛЮДОША) КОВАЛЬ. Он найден у м. Фоцеватая б. Полтавской губернии и датируется концом X—первой половиной XI столетия.⁸ Техника наведения мет у обоих мечей одинакова. Различие же заключается в том, что мастер киевского меча пометил оборот полосы геометрическими знаками, а фоцеватовского — словом КОВАЛЬ, что является индивидуальной разработкой клейма, обе части которого сделаны читаемыми.⁹ При анализе меча из Фоцеватой высказывалась мысль, что следует ожидать новых находок с русскими словесными метами. Этот прогноз оправдался. Отыные с полным основанием можно говорить, что мечи со старорусскими метами не единичны и поэтому не случайны. Они свидетельствуют о существовании в Киевском государстве времен князей Игоря и Святослава собственного специализированного производства клинков. Этот факт примечателен в международном масштабе. После Каролингской империи Русь является второй страной в Европе, где выпускалась собственная столь престижная клинковая продукция, метившаяся не латынью, а по-славянски. Меч из Фоцеватой сигнализировал о том,

⁵ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 182.

⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 113.

⁷ Любезное сообщение Т. В. Рождественской.

⁸ Кирпичников А. Н. Древнейший русский подписной меч // СА. 1965. № 3. С. 196.

⁹ По мнению Т. В. Рождественской, надпись ЛЮДОТА КОВАЛЬ следует читать как ЛЮДОТА КОВАЛ (см. Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X—XV вв. СПб. 1991. С. 42). Как я писал в первопубликации о мече основания для такого прочтения не кажутся мне убедительными. Расположение на отдельной плоскости клинка гтагольной формы «ковал» в отрыве от существительного вряд ли было рациональным, так как затрудняло и дробило смысловое восприятие клейма и могло даже вызвать недоумение покупателя меча. Западноевропейские оружейники метившие мечи с применением слова fecit никогда не обособляли его от имени мастера, так сказать, писали одной строкой.

что такое производство имело место в конце X в., новоизученный киевский эту дату удревяняет примерно на 50 лет. В тот период, в середине X в., в разных странах Европы множились настойчивые попытки изготавливать собственные мечи, не довольствуясь их импортом из Западной Европы. В самом Каролингском государстве выдвинулись новые кузнецы-оружейники и мастерские, где клеймили свою продукцию различными латинскими именами. Этот процесс своеобразно, как можно установить, коснулся и Руси и привел к появлению мечедельных кузниц во главе с грамотными славянскими мастерами. Во внешней отделке мечей они придерживались общеевропейских форм, но, нарушив признанную традицию, прибегли к собственной оригинальной маркировке выпускаемых изделий. По-видимому, киево-русские мечедельцы считали свои изделия конкурентоспособными по отношению к рейнским кузнецам. Пока трудно судить о масштабах местного клинкового производства. Его существование начинает улавливаться для той поры, когда в связи с проникновением христианства меняется обряд погребения и мечи, равно как и другое оружие, перестают класть в могилы. Находки оружия, каковое было присуще языческим некрополям, сокращаются, приобретая все более случайный характер. Несмотря на оскудение наших источников, по отдельным, пусть разрозненным, фактам устанавливается, что во второй половине X—начале XI в. мечи существовали на Руси и дополняли привозные. Все вместе они удовлетворяли потребности в оснащении дорогостоящим клинковым оружием свободных членов общества: знати, дружинников, купцов, состоятельных горожан, чинов государственной администрации.

Славянский автограф на киевском мече предполагает определенный временной промежуток, прежде чем кузнец стал воспроизводить буквенную надпись, воспринятую из письменной культуры и перенесенную в ремесленную. Такое преобразование могло произойти в течение первой половины X в., когда на Руси ширилось использование кириллической грамоты. Вопрос о внедрении славянской письменности на Руси дискуссионен, но ныне накапливается все больше данных для его положительного решения по отношению к событиям X столетия. Как известно, славяно-русские рукописи X в. не сохранились, и о первоначальном развитии письменности в Восточной Европе можно судить по памятникам эпиграфики. Их немного, достоверные — не старше последней четверти X в.¹⁰ Отметим корчагу с надписью ГОРОУХЦА (предлагаются и другие варианты прочтения, датировка: первая половина и середина X в.), некоторые деревянные цилиндры-замки из Новгорода (970—980 гг.), сребреники и златники первоначального чекана великого князя Владимира Святославича (конец X—начало XI в.).¹¹

Кроме того, на изделиях X в. встречены отдельные кириллические буквы. В этой связи обращают внимание граффити на дирхемах, некоторые из которых представляют, по нашему мнению, кириллические буквы в их цифровом значении. На монетах процарапаны знаки З, И, К, Л, М, Н, У, Х и их комбинации. Эти знаки, если их сопоставить с цифровым, буквенным письмом, могут иметь счетный, измерительный или оценочный смысл.¹² Без цифровых обозначений масштабные торговые операции, которые имели место в Восточной Европе, были бы просто неосуществимы. О развитии письменности в городской среде свидетельствуют также стили-писала, самые

¹⁰ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI—XV вв. СПб., 1992. С. 24 и след.

¹¹ Там же С. 27—30; Мединцева А. А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4. С. 49 и след.

¹² Кирпичников А. Н. Письмена на серебре // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 237—240.

древние из которых в Новгороде происходят из слоев 953—989 гг.¹³ Логичен вывод о том, что Русское государство, будучи созданным, не могло обойтись без собственной, в данном случае кириллической, деловой, фискальной, торговой и дипломатической письменности, что произошло задолго до официального принятия христианства. Этот факт не противоречит тому, что в начальный период освоения грамоты на Руси использовались рунические знаки, элементы глаголицы, греческий алфавит, арабское исчисление.¹⁴ Данные эпиграфики, в том числе клинковой, свидетельствуют о явном преобладании на Руси кириллицы.¹⁵

Меч из Киевской округи важен как оружие и как памятник письменной культуры. В нем воплотились общеевропейские (техника нанесения клейма, украшения рукояти в стиле геометрической инкрустации) и местные (славяно-русская надпись, оригинальная композиция на обороте клинка) признаки. Таким предстает это оружие, в котором с неожиданной выразительностью проявились международные искания русских ремесленников, внесших свой вклад в развитие материально-технической культуры европейского мира.

¹³ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 94.

¹⁴ Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» городища // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 45 и след.

¹⁵ Ср. Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменности. М., 1994. С. 135 и след.